

На правах рукописи

БОРОДИНА Лали Васильевна

**АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО АНЕКДОТА)**

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Волгоград – 2015

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

- Научный руководитель – *Трофимова Юлия Михайловна*, доктор филологических наук, профессор.
- Официальные оппоненты: *Седых Аркадий Петрович*, доктор филологических наук, профессор (Белгородский государственный университет, заведующий кафедрой немецкого и французского языков);
Штеба Алексей Андреевич, кандидат филологических наук (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, доцент кафедры романской филологии).
- Ведущая организация – Ульяновский государственный университет.

Защита состоится 22 мая 2015 г. в 12.00 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.01 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400066, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <http://www.vgpu.org>.

Автореферат разослан 2 апреля 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н.Н. Остринская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данная работа выполнена в русле теории дискурса и лингвокультурологии. **Объектом** настоящего исследования является дискурсивно-текстовая природа антропоцентризма анекдота, рассмотренная сквозь призму её актуализации в русском и французском языках. **Предметом** изучения выступает отраженный в тексте анекдота человек в его двух дискурсивно обусловленных ипостасях – «человек говорящий» и «человек изображенный».

Актуальность диссертации определяется тем, что, несмотря на многочисленные обращения к изучению феномена анекдота, характер его антропоцентричности как онтологически возобладавшей категории остается до конца не выявленным. Не были учтены эволюционные процессы в формировании дискурсивно-текстовых свойств анекдота, имеющих непосредственное отношение к своеобразию его антропоцентризма, не освещены те новые каналы языковой коммуникации (например, массовая печать, Интернет), которые налагают собственный отпечаток на отражение в анекдоте антропоцентрических моментов, не раскрыта специфика когнитивных стратегий в текстопостроении анекдота как вербально варьирующегося построения. Актуальность исследования антропоцентризма анекдота в общетеоретическом аспекте объясняется также тем, что анекдот является одной из самых популярных форм бытовой коммуникации, где (хотя и в юмористическом ключе) осмысляются важные политические и бытовые проблемы и где человек получает вполне обоснованную оценку, выявить и осознать которую актуально для любого момента времени.

Основная **гипотеза** предпринятого исследования заключается в том, что человек в тексте анекдота является основным стимулом, стержнем при построении юмористического эффекта. Без ориентации на «человека изображенного» «человек говорящий» не сможет включиться в дискурс и анекдот как жанр юмористического дискурса будет обречен на исчезновение: нет человека – нет анекдота. Вместе с тем совокупность денотативных признаков «человека изображенного» и «человека говорящего» координируется совокупным концептом «человек», обретающим вербализацию в соответствии с особенностями лингвокультуры и жанровой природы анекдота.

Целью данной диссертационной работы является выявление антропоцентрической составляющей дискурсивно-текстовой природы анекдота, актуализирующейся в виде оппозиции «человек говорящий» vs. «человек изображенный» в совокупном концепте «человек».

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Выявить, каким образом текст анекдота адаптирует феномен человека в его двойственной концептуализации.

2. Определить, каким образом юмористический потенциал текста анекдота зависит от адаптации им денотативных аспектов отображаемого и отображающего человека, соединяющихся в границах концепта «человек».

3. Выявить, как антропоцентричность анекдота проявляется в изменении его современного статуса и эволюции его жанровой формы.

4. Определить, каким образом реализуются различные текстовые актуализаторы, с помощью которых продуцируется юмористический эффект и какие новые информативные ресурсы способствуют расширению его семиотического диапазона.

5. Установить, по каким вербальным признакам выявляются лингвопортреты «человека изображенного» и «человека говорящего».

6. Выявить, каким образом антропоцентричность юмористического дискурса влияет на специфику построения текста анекдота, в частности, на его политематичность или диффузию тем.

Цели и задачи исследования обусловили применение целого ряда **методов**: *метода* контекстуального анализа, ориентирующего на выявление ситуативной и контекстуальной обусловленности словарных номинаций человека, *метода* концептуального анализа как анализа действительности с помощью концептов, *метода* лингвостилистического анализа, нацеливающего на обнаружение стилистической палитры текста анекдота, описательного *метода*, включающего наблюдение, описание, обобщение, лингвoseмиотического *метода*, направленного на учет в текстопостроении тех или иных средств различных семиотических систем.

Материалом исследования послужили 1900 французских и более 2 тыс. русских анекдотов, извлеченных методом сплошной выборки из интернет-источников и разнообразных печатных сборников анекдотов.

Теоретическую основу работы составили труды по проблемам *теории дискурса* (Н.Д. Арутюнова, А.А. Ворожбитова, В.Г. Борботько, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, А.В. Олянич, М.Л. Макаров, В.Е. Чернявская); *юмористического дискурса* (К.Ф. Седов, А.Д. Шмелев, Е.Я. Шмелева, А.М. Морозова, О.В. Лутовинова, Е. Курганов); *лингвистики текста* (М.М. Бахтин, И.Р. Гальперин, В.А. Кухаренко, Ю.А. Левицкий, В.В. Красных), *лингвокультурологии* (Н.Ф. Алефиренко, Е.М. Верещагин, Н.А. Красавский, В.Г. Костомаров, А.П. Седых, Г.Г. Слышкин и др.); *когнитивной лингвистики и концептуального анализа* (Н.Н. Болдырев, Г.А. Золотова, Г.В. Колшанский, Г.Н. Манаенко, М.В. Пименова, В.А. Сулимов, А.И. Фефилов, М.А. Шелякин).

Научная новизна настоящего диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые рассматривается весь комплекс текстопостроительных стратегий, охватывающий широкую гамму антропоцентрических актуализаций в тексте анекдота как с позиции «человека говорящего», так и с по-

зиции «человека изображенного». Новым является также использование в обозначенной области методики концептуального анализа как анализа денотативной базы, определяющей двойственную актуализацию концепта «человек», который аккумулирует весь спектр антропоцентричности, проявляющейся в вербальном облике анекдота. Новизной отмечен и типологический (на базе русского и французского языков) подход к выявлению вербальных репрезентаций концепта «человек» в виде лексико-семантических полей и текстовых актуализаций последних.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно является соответствующим вкладом в изучение текстового антропоцентризма и, в частности, антропоцентризма юмористического дискурса. Установление типических признаков антропоцентризма анекдота, включающих весь спектр отражения феномена человека в его текстовой ткани, имеет значение как для теории языка в целом, так и для самых разных областей языкознания, связанных с теоретическим осмыслением человеческого фактора в языке. Теоретически значимым представляется выявление самых современных методик конструирования антропоцентрически значимых блоков текста, которые все больше опираются на информативные приемы разных семиотических систем, активно привлекаемых для поликодового текстопостроения. Раскрытие языковой организации текста анекдота в представлении им антропоцентрической информации, присущей ему как особой жанровой форме, является значимым для развития общей теории текста, направленной в настоящее время на установление характерных признаков текстов самых разных типов. Методика концептуального анализа, нацеленного на выявление природы текстовой денотации анекдота, является определенным вкладом в разработку прикладных аспектов лингвокогнитивистики.

Практическая значимость диссертационной работы состоит в возможности использования ее результатов в курсах общего языкознания и теории перевода, спецкурсах по теории дискурса, лингвокультурологии и в практике преподавания французского языка как иностранного.

Достоверность результатов исследования достигается анализом большого объема практического материала, в частности русских и французских анекдотов, а также применением апробированных методов исследования.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Регулярные публикации анекдотов в разных печатных изданиях и сети Интернет свидетельствуют о вхождении анекдота в массмедийную сферу современной языковой коммуникации, а также об обретении им письменнопечатной формы и, соответственно, полноценного статуса текста, сохраняющего свои дискурсивно-речевые свойства и позволяющего анализировать его с тех же позиций, что и любой другой текст.

2. Текст анекдота, следуя самым современным текстопостроительным моделям, сохраняет многочисленные черты дискурсивности. Ответственным

за производство каждого текста анекдота в полном соответствии с требованиями его жанровой формы является «человек говорящий». Юмористический потенциал текста анекдота зависит от его формы и особой информации, выраженной комбинацией языковых средств, выбор которых принадлежит «человеку говорящему».

3. «Человек изображенный» растворен в текстовой ткани анекдотов, и его совокупный образ складывается из небольших фрагментов текстовых зарисовок персонажей. «Человек изображенный» представлен в тексте анекдота как человек, способный себя оценивать, и его точка зрения на самого себя фиксируется языковой тканью текста.

4. Антропоцентризм юмористического дискурса влияет на эволюцию его жанровой формы, требует использования новых графических возможностей, освоения новых информативных ресурсов, расширения семиотического диапазона для передачи всей гаммы чувств, переживаний и настроений человека. В этом смысле текст анекдота становится поликодовым.

5. Когнитивной основой дискурсивно-текстового антропоцентризма анекдота является совокупный концепт «человек», заключающий в себе как в ментальной единице коллективного сознания те аспекты денотации, которые актуализируются в языковой ткани конкретных текстовых построений анекдотов. Текстовая раздвоенность концепта «человек» как «человека говорящего» и «человека изображенного» свидетельствует об особой структурной емкости и содержательной глубине текстового концепта как когнитивной единицы.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на Международной заочной научно-практической конференции «Язык. Культура. Коммуникация» (Ульяновск, 2008 г.); VIII Международной научной конференции «Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты» (Ульяновск, 2008 г.); Международной научно-методической конференции «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты» (Пятигорск, 2008 г.); Всероссийской научной конференции с международным участием «Актуальные проблемы общего и регионального языкознания» (Уфа, 2008 г.); Международной научно-практической конференции «Иностранные языки в диалоге культур: политика, экономика, образование» (Саранск, 2009 г.) и на ежегодной научной конференции «Огаревские чтения» (Саранск, 2008 – 2009 гг.).

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 10 статей общим объемом 3,1 п.л., в том числе три – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Объем и структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы исследования, ее актуальность и научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются цели и задачи настоящей работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, выдвигается гипотеза исследования, указываются методы исследования.

В **первой главе** «Анекдот как разновидность юмористического дискурса и его антропоцентрические параметры» рассматриваются теоретические вопросы соотношения текста и дискурса, анализируются достижения в области антропоцентризма как универсальной филологической категории и как опоры для разработки инструментария для анализа юмористического дискурса, а также описывается роль фоновых знаний в исследованиях, посвященных тексту вообще и юмористическому дискурсу в частности. В главе также обосновывается когнитивно-концептуальный подход к исследованию текстового антропоцентризма с учетом его детерминированности бытующим в коллективном сознании концептом «человек», который определяет все процессы текстовой вербализации. Глава состоит из четырех разделов.

В *разделе 1.1* «Анекдот в структуре юмористического дискурса. Соотношение текста и дискурса» приводится обзор различных подходов к изучению юмористического дискурса, анализируется соотношение текста и дискурса. Обращается особое внимание на то, что одним из самых важных моментов при изучении анекдота (а также одним из активно дискутируемых вопросов современной лингвистики) является вопрос о соотношении текста и дискурса. Делается также акцент на то, что рассмотрение этих двух понятий в плоскости их жанровой специфики (а анекдот квалифицируется как жанр юмористического дискурса) ещё не расставило всех акцентов с точки зрения их соотношения друг с другом.

Теоретические обобщения позволили выработать базовую для исследования позицию и рассматривать анекдот как одну из форм юмористического дискурса, специфика которой определяется соотношением её текстовой и дискурсивной природы. Если принять точку зрения, что текст на стадии его производства представляет собой дискурс (А.А. Ворожбитова), то можно выстроить такую цепочку вербальной актуализации анекдота: текст анекдота (устный и письменный) рождается из дискурса и вновь в него возвращается, обретая разные версии не только в устных репрезентациях, но и в письменнопечатных, ставших приметой нашего времени. Публикации анекдотов в самых разных изданиях свидетельствуют об обретении анекдотом письменной формы и, соответственно, полноценного статуса текста, однако многочисленные редакторские вариации одного и того же анекдота в разных изданиях вновь выявляют его дискурсивно-речевые свойства.

Раздел 1.2 «Принцип антропоцентризма с позиции когнитивно-концептуального подхода» посвящен рассмотрению проблемы когнитивно-концептуального подхода к исследованию лингвистической природы анекдота и его антропоцентризма.

В разделе отмечается, что мнения разных ученых, касающихся данного взаимодействия (антропоцентризма и когнитивизма), концентрируются на важных моментах взаимодействия антропоцентрических и лингвокогнитивных явлений, например: соотношение человека как субъекта с 1) окружающим природным миром, 2) окружающим социальным миром, 3) каждым индивидуумом и, наконец, 4) самим собой (самопознание) (Г.В. Колшанский). При изучении юмористического дискурса соотношение четырех отмеченных пунктов должно быть учтено в первую очередь и фиксировать распределение внимания человека к указанным сферам и, соответственно, к тематике анекдота при его порождении.

Можно, таким образом, утверждать, что анекдот также является своеобразным средством познания, и если не всего мира, то человека в нем, безусловно. Задача лингвиста состоит в том, чтобы выявить вербальные процессы во всех отмеченных процедурах, сосредоточиться на функционировании языкового материала. Самым эффективным в этом случае видится когнитивно-концептуальный подход, реализуемый в практических главах.

Раздел 1.3 «Принцип антропоцентризма и его реализация в лингвистических исследованиях» имеет целью раскрытие различных подходов при изучении принципа антропоцентризма, а также степени его освещения в современной лингвистике.

Раздел 1.4 «Фоновые знания в юмористическом дискурсе» освещает роль фоновых знаний при анализе юмористического дискурса. Прежде всего следует подчеркнуть особый характер анекдота, как правило, требующий от реципиента творческого восприятия, интерпретации и того особого состояния, которое Е.С. Кубрякова (2001) назвала «додумыванием». Процесс «додумывания» тонко фиксирует диалогичку анекдота, особенно явно проявляющуюся в живой коммуникации. Как известно, не все люди обладают развитым чувством юмора, не все реагируют одинаково на смешной сюжет и, как следствие, по-разному ощущают его перлокутивный эффект. В этом случае анекдот заставляет реципиента посредством «додумывания» осмыслять не всегда понятный сюжет текстового юмора и в каком-то смысле реализует свой когнитивный потенциал. Однако в этом процессе немалую роль играют и фоновые знания. Еще А.М. Пешковский писал, что естественная речь по своей природе эллиптическая, и мы не всегда договариваем свои мысли, опуская из речи все, что дано обстановкой или предыдущим опытом разговаривающих. В анекдоте часто опускаются разного рода детали, но чаще всего – именно фоновая информация (или фоновые знания).

Глава 2 «Текстопостроительные особенности юмористического дискурса. Антропоцентризм анекдота под углом зрения “человека говорящего”» имеет целью установление разнообразных вербальных актуализаций «человека говорящего», понимаемого как своеобразный образ автора, запечатленный в текстах анекдотов, характерных для настоящего периода времени.

«Человек говорящий» может также квалифицироваться в данном случае как языковая личность, ответственная за производство каждого конкретного текста анекдота в полном соответствии с требованиями его жанровой формы. Внимание при этом обращается на самые современные текстопостроительные особенности анекдота в его письменной фиксации, характерной как для печатных изданий, так и для электронного формата сети Интернет.

Предполагается, что в том, как создается анекдот, а также в том, как он доводится до реципиента, также содержится антропоцентрическая информация. Сообщение о человеке и сообщение, порожденное человеком, должны соответствовать друг другу по форме и содержанию. Раскрытие данного момента и посвящается вторая глава диссертации. Глава состоит из семи разделов.

В *разделе 2.1* «Особенности текстовой информации в аспекте ее письменной формы» освещается юмористический потенциал текста анекдота, который самым непосредственным образом зависит от его формы и комбинации языковых средств, позволяющих внедрять в текст особый слой информации, именуемой суперлинейной. В целом под суперлинейной информацией понимается семантическая внешняя форма текста как явление вообще, в связи с чем нельзя не признать, что широко освоенная современным анекдотом письменная/печатная форма текста послужила источником его дополнительной информативности. Роль и значимость этого вида информации в тексте анекдота намного весомее, чем в других типах текста, что может свидетельствовать об особой склонности «человека говорящего» находить в письменной подаче анекдота реципиенту способ компактного выражения информации, весьма существенной при небольшом текстовом объеме анекдота. Мы находим здесь широкое использование графических средств, смешение шрифтов, например:

Вчера увидел новую надпись в маршрутке:

«Уважаемые пассажиры!!!

Просьба не отвлекать водителя.

МОЛИТЕСЬ МОЛЧА!!!»

В разделе 2.2 «Явление креолизации в письменном тексте анекдота» анализируется креолизация текстового пространства анекдота с точки зрения использования средств различных семиотических систем, в частности картинок, способствующих расширению семиотического диапазона анекдота и свидетельствующих тем самым об интра- и интерсемиотической компетенции «человека говорящего», например: *Ah, vous tombez bien! C'est à vous, entrez! – А, вы удачно упали! Заходите!* Юмористический эффект достигается здесь исключительно при наличии изображения, где доктор в обход пожилых дам, пришедших к нему на прием, пропускает без очереди девушку, которая только что вошла.

В разделе 2.3 «Эволюция жанровой формы анекдота в аспекте его текстовых свойств» раскрываются те изменения в развитии анекдота, которые затрагивают некоторые стороны его жанровой формы, делая его информативный потенциал шире и разнообразнее. Таким образом, анекдот уже не всегда можно квалифицировать как *короткую смешную историю*. Не переставая быть смешной, она может значительно увеличиваться в объеме, воспроизводя какую-либо иную текстовую форму, например форму электронного письма в контексте переписки. Данные электронного письма позволяют читателю высчитать диапазон времени, в котором общались абоненты (From: Василий Sent: Monday, March 13, 2006 12:10 PM To: Юлия Subject: RE). Фактически здесь речь может идти о новой форме текстового хронотопа, актуализовавшегося именно в формате письменного анекдота.

Современный письменный текст анекдота адаптировал также формы различных письменных текстовых построений, таких как письмо, объявление, газетная статья, инструкция, SMS-сообщение и т.д. Это говорит о том, что текст анекдота обнаруживает заметное усложнение своей антропоцентрической парадигмы. «Человек говорящий» невольно воспринимается как индикатор существующих в современном социуме многообразных форм письменно-печатной коммуникации, удачно освоенных им при создании текстов анекдотов. Внушительное количество последних свидетельствует о рождении своего рода юмористического поджанра в границах анекдота, предполагающего знание продуцентом и реципиентом многих фоновых явлений, связанных с письменной формой других типов текста. По сравнению с прошлыми эпохами у анекдота устойчиво обозначился новый тип реципиента – читатель.

В разделе 2.4 «Интродуктивная реплика в тексте анекдота как особенность конструирования его информативной структуры» освещаются некоторые текстопостроительные зоны, квалифицированные лингвистикой текста как обязательные текстовые позиции, среди которых главное внимание следует уделить текстовому началу, которое считается сильной позицией текста. В тексте анекдота текстовым началом часто выступает интродуктивная реплика

лика, которая представляет собой мощный конденсатор информации, хотя и содержащий дозированную информацию, но, тем не менее, помогающий читателю или слушателю сориентироваться в соответствующей комической ситуации, например:

Больной – официантке:

– Почему мне вилку и нож не дали?

– У вас, больной, стол диетический, острое вам не положено.

В разделе 2.5 «Семантический объем слова как основа текстопостроительных стратегий юмористического дискурса» анализируются анекдоты, построенные на обыгрывании значений полисемантического слова. «Человек говорящий» видится в этом случае как продуцент текста, стремящийся высветить в юмористическом ключе точки соприкосновения лингвистической и экстралингвистической сфер, например:

Как использовать автомат для получения денег? По следующей схеме: 1. Заходишь в банк. 2. Достоешь автомат. 3. Получаешь деньги.

В разделе 2.6 «Экстралингвистическая ситуация и ее вербализация в тексте юмористического дискурса» рассматриваются анекдоты, в качестве базового стимула которых выступает не только чисто языковое явление, позволяющее совместить языковой феномен с некоторой внеязыковой реальностью, но и внеязыковой объект, который в контексте имеющейся на данный момент в обществе фоновой информации вполне допустимо положить в основу юмористической ситуации, например достижения современной техники, внедряемые в быт. Знание особенностей их применения становится главным содержательным нервом текста анекдота, а отсутствие этого знания полностью сводит на нет комический эффект и, следовательно, устраняет самый существенный жанровый признак текста. Например, в тексте французского анекдота основной юмористический эффект продуцируется реалией «кондиционер»: *Par une intense canicule, le curé annonce à ses paroissiens, réunis pour l'office: "Aujourd'hui, mon sermon portera sur l'Enfer. Afin de vous mettre dans l'ambiance et vous en faire baver, avant que vous n'y goûtiez pour l'éternité, je vais couper la climatisation*». Измученный жарой священник говорит своим прихожанам о том, что сегодня проповедь будет посвящена теме Ада, а чтобы все прочувствовали, что это такое, до того, как они туда попадут, он отключает кондиционер.

В разделе 2.7 «Лингвопортрет автора в дискурсе черного юмора» раскрывается лингвопортрет автора, который находит своеобразное преломление в структуре дискурса черного юмора. Психический тип человека, склонного к черному юмору, как феномен и как языковая личность в полном смысле слова растворен в тексте анекдота. В первую очередь, тип языковой личности, способной создать анекдот в тональности черного юмора, проявляется в круге тем, привлекаемых для такой цели. «Человек говорящий», рас-

смотренный под углом зрения своей психологической природы, дает повод к заключению о том, что в анекдоте черного юмора для него нет запретных тем. В жестокие ситуации помещаются как взрослые, так и дети, некоторое снисхождение делается лишь животным, неодушевленные предметы «человека говорящего» не интересуют. «Человек говорящий», таким образом, отчетливо выделяется с точки зрения текстовой денотации и соответствующего отбора языковых средств, в числе которых находим лексико-семантические группы, обозначающие части тела человека, семейные отношения и т.д.:

– *Папа, там бабушка по двору ходит шатаясь.*

– *Ну, выстрели в нее еще раз.*

Глава 3 «Антропоцентризм текста анекдота с позиции “человека изображенного”» раскрывает совокупный образ человека, отображенного в разнообразных текстах анекдотов, выявляет фрагменты текстовых зарисовок персонажей, которые складываются в единую мозаику, дающую представление о том, с каких точек зрения текстовая форма анекдота адаптирует феномен человека. Исследование «человека изображенного» осуществляется в рамках текстового концепта, выявляемого в серии текстов одного жанра. Выделяются понятийная и периферийная зоны концепта «человек изображенный» на базе гиперо- и гипонимических лексических актуализаторов, а также ряда текстовых величин. Понятийная зона в данном случае означает ядро исследуемого концепта, за пределами которого начинаются его периферийные зоны. Глава состоит из семи разделов.

В разделе 3.1 «Лексические актуализаторы “человека изображенного” как составляющей концепта “человек” в текстах анекдотов на русском и французском языках» приводится обзор лексических актуализаторов «человека изображенного». В качестве ядра концепта рассматриваются гиперонимы «человек» и “*homme*”. Важно отметить, что в анекдотах практически не встречается лексема *человек* (отмечена также лексема *люди* в функции обращения: «Люди, кто мы?»). В различных текстовых актуализациях отчетливо просматриваются два значения лексем *человек*: «гомо сапиенс» и «некий человек, персона».

Тексты, актуализирующие первое значение, как правило, исключительно малы по объему и, скорее, приближаются к афоризмам, например: «Всегда счастливый человек – это человек, который научился выгодно себя обманывать».

Во французских анекдотах часто встречается лексема *homme*, но лишь с неопределенным артиклем *un*, и в этом случае она имеет значение «мужчина, один (некий) мужчина». Но, чтобы эта лексема понималась как «человек», нужен определенный артикль *le*, однако такие анекдоты не были выявлены. Лексем *человек* и *un homme* в значении «человек, персона, некий человек» в

русских и французских текстах анекдотов в основном совпадают, хотя во французском тексте сема «мужчина» ощущается достаточно сильно.

Помимо гиперонимов *человек* и *homme*, в текстах анекдотов зафиксировано множество гипонимов, которые показательны с точки зрения тематической классификации того круга лиц, которые становятся персонажами анекдота. Это могут быть **профессии**: учительница, директор, адвокат, дрессировщик, режиссер, лектор, мэр, корреспондент, тренер, гаишник, психиатр, врач, *le medecin, un professeur des écoles, un charcutier* (мясник), *le directeur, une employée* – служащая, *un juge* – судья, *le vendeur* – продавец; **половозрастные индикации**: мужик, парень, женщина, бабка, дама, *la jeune femme, le jeune homme, une femme un homme un monsieur*; **семейные отношения**: отец, сын; **социальное положение и взаимоотношения**: начальник, *le patron, le chef, un fonctionnaire* чиновник, две подружки, грабитель, *un hacker*, клиент, два старых друга, два пожилых друга, пенсионеры, новый русский, ученик, *le propriétaire d'une petite boutique* (владелец маленького магазина); **национальности**: старый еврей, кавказец, *un industriel de Taïwan* (промышленник с Тайваня), *un Écossais* (шотландец); **состояние здоровья**: больной, *malade* (больной), *un individu très myope* (близорукий человек), *un homme avec un couteau planté dans le ventre* (раненый мужчина, с ножом в животе); **признаки внешности**: блондинка, *une blonde sexy* (сексуальная блондинка), *la belle blonde* (красивая блондинка), *un employé avec le visage tout dégoulinant d'encre noire* (служащий с перепачканным чернилами лицом), *Lucas (8 ans) avec les bras et les genoux écorchés* (Лукас (8 лет) с ссадинами на руках и ногах).

В диссертации выражена мысль, что периферия «человека изображенного» может быть выделена на основе ассоциативно-смысловых (или лексико-семантических) полей, создающих осязаемый облик «человека изображенного», в то же время соотносящих его с соответствующим типом текста, т.е. текста анекдота.

Выделение ассоциативно-смысловых полей, репрезентирующих концепт «человек» в его лексическом выражении, представляет собой, по сути, идеографическое описание антропоцентрической лексики текста анекдота. Если «человек говорящий» с лексической точки зрения может быть выявлен как «лингвопортрет автора» при условии, что исследователь в этом случае ограничивается только одной письменной-печатной версией текста анекдота, то «человек изображенный» позволяет углубить языковой анализ именно через ассоциативно-семантические поля.

В диссертации подробно описаны лексико-семантические поля «внешность человека изображенного». Несмотря на отсутствие портретных описаний в текстах анекдотов (в силу их малого объема), внешность «человека изображенного» зафиксирована в достаточно большом объеме признаков.

Лицо: красное, синее, опухшее; *farouche* (дикое), *avec une douzaine de percings* (с пирсингом).

Глаза: с фингалом, красные, счастливы; *avec lunettes* (в очках), *au beurre noir* (с синяком).

Нос: большой, картошкой, заклеенный.....

Уши: лопухи, одно ухо, большие, белые от мороза.

Брови: густые, рассеченные, поцарапанные.

Ресницы: отклеенные, накладные, длинные, густые.

Зубы: желтые, золотые, кривые, здоровые.....

Ноги: длинные, кривые; *cassée* (переломанные), *longues* (длинные).

Руки: в варежках, в карманах, трясущиеся; *cassée* (сломанные).

Ногти: плохие, ухоженные, постриженные.

Волосы: волнистые, лысый, длинные.

Живот: обвисший, с татуировкой; *bien rebondi* (пухлый живот).

Грудь (женская и мужская): как спелые арбузы, плоская, как куриные яйца, в орденах, маленькая, колесом.

Пальцы: веером, переломанные, чистые; *cassé* (сломанный), *pincé* (проколотый), *meurtri* (в синяках).

Усы: большие, красивые, черные.

Щеки: впалые, грязные, в помаде, прыщавые.

Шея: сломанная, завязанная узлом, длинная, больная.

Таким образом, представленные структуры указывают не только на типологические особенности лексического наполнения текста анекдота, но и на некоторые специфические черты, характерные для его национально-культурного бытования. Например, было отмечено, что у французов часто упоминаются трамвированные части тела, а нейтральная характеристика человеческого тела встречается крайне редко. При этом зафиксированы многочисленные случаи эмоциональной характеристики человека, части лица указываются достаточно редко, лицо обозначается сразу в целом.

В разделе 3.2 «“Человек изображенный” как коммуницирующий персонаж» анализируется речь персонажей анекдота, которая является важным средством выявления дополнительной информации о «человеке изображенном». Анализируются слова-маркеры, слова-паразиты, сленг, фонетические, синтаксические, интонационные приемы, которые «человек говорящий» предпосылает «человеку изображенному» и которые раскрывают его образ приемом самохарактеризации. Помимо лексических средств маркируется скорость речи, а также дефекты речи, такие как заикание, глотание звуков, шепот, крик, построение фраз, повторы и т.д.

В разделе 3.3 «Психостилистика юмористического дискурса в аспекте типологических характеристик “человека изображенного”» раскрывается психостилистический подход к анализу анекдота с его тематической наце-

ленностью на помещение человека в жесткие ситуации, которые позволяют выстроить одну из координат текстовой антропоцентричности анекдота. Речь идет о **жестком черном юморе**, который изобилует кровавыми подробностями изображаемой ситуации; **менее жестком (ослабленном) черном юморе**, который может быть квалифицирован как таковой по причине меньшего упоминания ужасающих фактов. Человек в этом случае может лишь подразумеваться, но не устраниваться из контекста жесткой ситуации; **черном юморе, пограничном с нейтральными видами юмора**, который строится на базе денотативной ситуации, практически не фиксирующей элементов жестокости. Таким образом, нельзя не отметить, что типологическая классификация анекдотов черного юмора указывает на известную градацию в фиксации «человека изображенного» в контексте адаптированных анекдотом трагических событий жизни.

В разделе 3.4 «Внешний и внутренний портрет “человека изображенного” в тексте анекдота» анализируются разнообразные детали внешности людей, являющихся персонажами анекдота. Таким образом, можно представить следующий совокупный портрет «человека изображенного». Со стороны внешности обыгрываются следующие детали: глаза, уши, волосы, зубы, полные губы, высокий рост, отсутствие рук, ног, наличие пирсингов, толстых линз, неопрятный вид, толстая фигура, красивая фигура, стройная фигура, длинные ноги, красивый бюст, лысые, с большим животом и т.д. Со стороны личных качеств в анекдоте изображаются хвастуны, скромные, влюбленные, раздражительные, глупые, умные, скучающие, хитрые и т.д. Что касается возраста, центральное место занимают молодежь и люди среднего возраста, затем дети, а последнее место отводится старикам.

В разделе 3.5 «Языковые средства выражения эмоций “человека изображенного” в юмористическом дискурсе» рассматривается письменная форма анекдота, которая достаточно определенно фиксирует весьма широкую гамму эмоций и душевных переживаний изображенного человека. Следует отметить, что они не являются юмористическим ядром сюжета и лишь сопровождают изложение юмористической ситуации. Их текстовая значимость, однако, не теряет своей ценности для текстового антропоцентризма, свидетельствуя о том объеме чувственно-эмоциональной сферы, которая характеризует совокупный образ «человека изображенного» в тексте анекдота.

В разделе 3.6 «Сенсорная образность и ее вербальная актуализация в тексте анекдота при характеристике “человека изображенного”» анализируется сенсорная сфера в юмористическом дискурсе, которая не имеет устойчивой актуализации, но затрагивает почти все каналы чувственного восприятия. В зависимости от того, как человек чувствует запахи, ощущает вкус, воспринимает цветовые и звуковые сочетания, зависит его отношение к собеседнику и к людям в целом. Такой характер поведения

человека и составляет основу юмористического эффекта, где пяти органам чувств отводится не последнее место. Примечательно, однако, что в структуре сенсорной образности анекдота вкусовые ощущения не используются для характеристики персонажа.

В *разделе 3.7 «Политематичность текста анекдота как проявление его антропоцентрического характера»* раскрывается антропоцентричность текста анекдота, которая в достаточной мере политематична. В анекдотах находят отражение несколько взаимосвязанных тем, играющих важную роль для достижения юмористического эффекта, целиком замыкающегося на человеке.

В **заключении** диссертационного исследования подводятся итоги, формулируются выводы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных
ВАК Минобрнауки России*

1. Бородина, Л.В. Антропоцентрические параметры юмористического дискурса (на материале русских и французских анекдотов) / Л.В. Бородина // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». – 2010. – № 10 (54). – С. 46–49 (0,3 п.л.).

2. Бородина, Л.В. Лингвопортрет автора в дискурсе черного юмора (на материале русского и французского анекдота) / Л.В. Бородина // Вестник МГОУ. Сер. «Лингвистика». – 2011. – № 3. – С. 159–163 (0,3 п.л.).

3. Бородина, Л.В. Явление креолизации в письменном тексте анекдота (на материале русского и французского языков) / Л.В. Бородина // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Сер. «Филология». – 2011. – № 3. Т. 1. – С. 206–213 (0,5 п.л.).

*Статьи в научных журналах, сборниках научных трудов
и материалов научных конференций*

4. Бородина, Л.В. Эволюция жанровой формы анекдота в аспекте его текстовых свойств (на материале русского языка) / Л.В. Бородина // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. К.Б. Свойкин. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2011. – Вып. 8. – С. 107–111 (0,4 п.л.).

5. Бородина, Л.В. Семантический объем слова как основа текстопостроительных стратегий современного анекдота (на материале русского и французского языков) / Л.В. Бородина // Язык. Культура. Коммуникация: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. г. Ульяновск,

март 2008 г. / отв. ред. проф. С.А. Борисова. – Ульяновск, 2008. – С. 373–376 (0,3 п.л.).

6. Бородина, Л.В. Экстралингвистическая ситуация и ее вербализация в тексте анекдота / Л.В. Бородина // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты: материалы VIII Междунар. науч. конф. (Ульяновск, 13–17 мая 2008 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырев. – М.; Ульяновск: Ин-т языкознания РАН; Ульян. гос. ун-т, 2008. – С. 116–119 (0,3 п.л.).

7. Бородина, Л.В. Особенности текстовой информации современного анекдота в аспекте его формы (на материале русского и французского языков) / Л.В. Бородина // Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: материалы Междунар. науч.-метод. конф. г. Пятигорск, 14–17 мая 2008 г. / под ред. Л.В. Витковской, А.М. Казиевой. – Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингв. ун-та, 2008. – С. 37–39 (0,2 п.л.).

8. Бородина, Л.В. Интродуктивная реплика в тексте анекдота как проявление языковой личности в конструировании его информативной структуры (на примере русского и французского языков) / Л.В. Бородина // Актуальные проблемы общего и регионального языкознания: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – С. 59–63 (0,4 п.л.).

9. Бородина, Л.В. Психолингвистика юмористического дискурса / Л.В. Бородина // Иностранные языки в диалоге культур: политика, экономика, образование: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. 1–3 окт. 2009 г. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2009. – С. 109–111 (0,2 п.л.).

10. Бородина, Л.В. Юмор в современной французской культуре / Л.В. Бородина // Материалы XII научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов МГУ им. Н.П. Огарева: в 2 ч. Ч. 1: Гуманитарные науки / сост. О.В. Бояркина; отв. за вып. В.Д. Черкасов. – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2007. – С. 70 (0,2 п.л.).

БОРОДИНА Лали Васильевна

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО АНЕКДОТА)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 20.03.15. Формат 60x84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4 . Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 110 экз. Заказ .

Типография Издательства ВГСПУ «Перемена»
400066, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27